

Бюро невозвращённых подарков

и
Наталья Полынная

Наталья Полынная

Бюро невозвращённых подарков

«Автор»

2026

Полынная Н.

Бюро невозвращённых подарков / Н. Полынная — «Автор», 2026

Что делать, если больше ничего не хочется? Вера давно не задаёт себе этот вопрос. Её жизнь устроена безупречно: будильник, овсянка, серое пальто — и ни одного желания, способного нарушить расписание. Но однажды ей приходит посылка без обратного адреса. Она приводит Веру в магазин, которого нет на карте. Здесь хранятся невостребованные подарки: забытые мечты, музыка, смелость начать сначала. Но бюро не раздаёт готовых ответов: подарок можно принять лишь по своей воле, а выбор другого нельзя сделать даже из любви. И что, если на полке окажется коробка с именем Веры? «Бюро невозвращённых подарков» — магическая история о том, как услышать себя без требования немедленно всё изменить. Для тех, кто потерял связь со своими желаниями или устал жить на автопилоте. Иногда первый шаг — не обещание навсегда, а право попробовать. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Полынная Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Жизнь, в которой больше ничего не хотелось	6
Посылка без обратного адреса	10
Магазин, открытый только для потерявших	15
Правила невозвращённых подарков	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Наталья Полынная
Бюро невозвращённых подарков
Бюро невозвращённых подарков
Наталья Полынная

Жизнь, в которой больше ничего не хотелось

В 6:17 будильник завибрировал под ладонью Веры, хотя она ещё не успела открыть глаза. Она выключила его одним движением и полежала ровно минуту — столько оставалось до второго сигнала, который она ставила на случай, если первый окажется недостаточно убедительным.

Второй не понадобился.

Вера встала, заправила постель, поставила чайник. Пока вода нагревалась, умылась, собрала волосы и проверила прогноз погоды. Дождя не обещали. Она выбрала серое пальто: в нём не было ни жарко, ни холодно, а карманы были достаточно глубокими для телефона и ключей.

На завтрак была овсянка. Она готовила её одинаково: четыре ложки хлопьев, кружка молока, щепотка соли. Иногда добавляла мёд, но только если банка стояла на виду. Сегодня банка скрывалась за пачкой чая, и Вера не стала её искать.

Телефон лежал на столе экраном вверх. Под рабочими уведомлениями было сообщение от Маши, пришедшее накануне вечером.

«В субботу обещают ясное небо. Поедем за город? Хочу посмотреть на звёзды».

Вера прочла его ещё вчера, пока чистила зубы. Тогда она подумала, что ответит утром. Утром вспомнила о сообщении, но пальцы не потянулись к экрану. Суббота была свободна, это правда. Но после рабочей недели обычно хотелось остаться дома, выспаться, разобрать стирку, спокойно купить продукты. Она могла написать Маше позже. Так она решила, а потом убрала телефон в сумку.

В коридоре задержалась у зеркала. На полке под ним лежал небольшой блокнот с мягкой синей обложкой. Вера купила его несколько лет назад, потому что на обложке была нарисована луна, а внутри — плотная кремовая бумага. Первую страницу она заполнила аккуратным списком дел. Остальные оставались чистыми.

Она протёрла с обложки невидимую пылинку и закрыла входную дверь.

В офисе Вера работала с расписаниями поставок. Её стол стоял у окна, но окно выходило во внутренний двор, где зимой собирались серые тени. Вера приходила на семь минут раньше, проверяла почту, открывала таблицу и успевала налить себе кофе до того, как начинались звонки.

— Вера, ты не помнишь, во сколько в четверг приезжает машина из Твери? — спросил Павел из соседнего отдела.

— В десять сорок. Если без задержек.

— Ты спасла мне жизнь.

— Я просто помню расписание, — ответила она.

Павел рассмеялся и ушёл. Вера посмотрела на таблицу. В клетке напротив четверга стояло: «10:40. Тверь». Ровно, чётко, без лишних пробелов.

В середине утра она вышла за кофе. На углу недавно открылась маленькая булочная, и возле витрины пахло тёплым тестом и корицей. Вера остановилась. За стеклом лежали круглые булочки с тёмной сахарной корочкой. Она даже представила, как отламывает горячий край и как крошки остаются на пальцах.

За ней кто-то нетерпеливо переступил с ноги на ногу. Вера посмотрела на очередь, на часы и на лист задач в телефоне.

— Один американо, пожалуйста, — сказала она продавцу.

Булочки она оставила на витрине. До обеда было недалеко, а кофе она и так собиралась купить.

На обратном пути заметила афишу в окне книжного магазина. На ней была нарисована чашка, неровная, будто сделанная рукой ребёнка: один бок чуть выше другого, ручка кривовата. «Гончарная мастерская. Занятия по субботам». Вера замедлила шаг. Её пальцы сами собой сжались, как когда-то вокруг мокрой глины. Потом из двери магазина вышла женщина с пакетом, и Вера отступила, освобождая проход.

В офис она вернулась с кофе и без булочки.

Обедала Вера за своим столом. В контейнере были гречка, курица и огурцы. Она ела, читая новости, и почти не замечала вкуса. Телефон снова загорелся сообщением Маши. Вера перевернула его экраном вниз.

После обеда отдел собрался в переговорной отметить день рождения Ильи. На столе стояли бумажные тарелки, сок, две коробки пиццы и круглый торт с неровно написанным шоколадом: «С днём рождения!». Илья дул на свечу, хотя свеча уже погасла сама. Все хлопали, кто-то снимал происходящее на телефон.

Вера принесла ему подарок — хорошую термокружку. Она узнала у коллег, какую он обычно берёт в поездки, выбрала модель, которую легко мыть, и попросила завернуть её в крафтовую бумагу. Илья развернул подарок и обрадовался.

— Вот это нужная вещь. Спасибо, Вера.

Она улыбнулась. Ей нравилось, когда подарки оказывались нужными. Нужное не занимало лишнего места и не требовало от человека притворяться радостным.

Пока Илья делил торт, Даша из отдела кадров поставила на стол бумажную тарелку и сказала:

— Кстати, у Веры ведь на следующей неделе день рождения. Давайте не будем делать вид, что забыли. Вера, чего ты хочешь?

Несколько человек повернулись к ней. Вопрос был простым, почти праздничным. Таким, на который полагалось ответить сразу: книгу, шарф, билеты, цветы. Вера обвела взглядом стол. На скатерти блестели крошки, на крышке коробки для торта остался след крема. Илья держал в руках новую кружку.

— Не знаю, — сказала она.

— Совсем ничего? — спросил Павел.

Вера открыла рот. В голове возникли быстрые, безвредные ответы. Что-нибудь полезное. Сертификат в книжный. Хороший чай. Но ни один не казался желанием. Все были похожи на варианты из списка, составленного для удобства других.

— Наверное, свободный вечер, — сказала она наконец. — Просто вечер, когда никуда не надо спешить.

— Это не подарок, — заметила Даша.

— Для меня сейчас подарок.

Павел поднял брови, будто хотел пошутить, но передумал. Илья подвинул к Вере тарелку с куском торта.

— Тогда желаю тебе такого вечера. И ещё, может быть, торта.

— Торт можно, — согласилась Вера.

Все вернулись к разговору, и неловкость быстро растаяла. Только вопрос остался внутри, как мелкая заноза, которую не больно трогать, но нельзя забыть.

Чего ты хочешь?

Вера попробовала повторить его про себя. Ответа не было. Не потому, что ей хотелось чего-то невозможного. Не потому, что она скрывала от себя большое желание. Просто мысли приходили одна за другой и тут же находили причину остановиться.

Поездка — утомительно. Новый курс — долго. Вещь — не нужна. Встреча — можно перенести. Выходной — лучше потратить с пользой.

Она не помнила, когда именно научилась так быстро отвечать за себя. Наверное, это происходило постепенно. В старших классах она выбрала университет в своём городе, потому что маме было проще, когда Вера оставалась рядом. Потом отказалась от поездки с подругой, чтобы не менять уже согласованный семейный план. Потом бросила рисование: сначала из-за экзаменов, потом из-за работы, затем потому, что на столе в квартире не хватало места для красок.

Ни одно решение не было трагедией. Каждое даже звучало разумно. Просто со временем разумное стало означать то, что никого не затрудняет.

Вера и сама не замечала, как часто говорила: «Мне всё равно», «Выбирайте сами», «Как вам удобно». Эти слова облегчали жизнь другим. Они не требовали обсуждений и не грозили разочарованием. Постепенно в ответ на любой вопрос она стала слышать не собственный голос, а тихое эхо чужого удобства.

В пять часов коллеги разошлись. Илья унёс кружку, Даша собрала тарелки, Павел оставил на столе крошки и пообещал убрать их завтра. Вера вернулась к таблице. В девятнадцать ноль-ноль она закрыла файл, проверила, что все письма отправлены, и выключила монитор.

На улице уже темнело. Ветер поднимал с тротуара сухие листья и загонял их под припаркованные машины. Вера прошла мимо булочной. Витрина была тёмной, а запах корицы всё ещё держался у двери. На этот раз она не остановилась.

Дома сняла пальто, разогрела суп и поела стоя у кухонного окна. Потом поставила тарелку в посудомоечную машину, запустила стирку и ответила на сообщение от мамы. Маша по-прежнему ждала ответа. Вера открыла чат.

«Спасибо, но в субботу, наверное, не получится. Давай как-нибудь в другой раз».

Она перечитала фразу. В ней не было ничего неправильного. Только слово «наверное» казалось слишком удобным: оно оставляло дверь приоткрытой, но не обещало, что Вера когда-нибудь через неё выйдет.

Она стёрла сообщение, не отправив, и положила телефон на стол.

В спальне, на нижней полке шкафа, стояла коробка с красками. Вера достала её, чтобы убрать с пола высохшую нитку, зацепившуюся за угол. Крышка подалась не сразу. Внутри лежали тюбики, кисти с жёсткими ворсинками и две маленькие баночки засохшего лака. На крышке палитры остался след синей краски — такой глубокий, что казался почти чёрным.

Вера провела по нему пальцем. От краски ничего не осталось, только тонкая шероховатость пластика. Она подержала палитру ещё немного, затем вернула всё в коробку и убрала её обратно. Не выбросила. Просто поставила на место.

В 20:43 в коридоре раздался звонок.

Вера замерла. Она никого не ждала. Звонок повторился, коротко и негромко, словно звонивший передумал и нажал кнопку только для того, чтобы убедиться, что она работает.

Она подошла к двери и посмотрела в глазок. Площадка была пуста.

Вера сняла цепочку, открыла дверь. На коврике лежала небольшая посылка, перевязанная бечёвкой. Она была размером с толстую книгу, обёрнутая в плотную коричневую бумагу без логотипа и ярких наклеек. На лестничной площадке никого не было. Лифт стоял на первом этаже.

Вера оглянулась на пустой коридор, потом взяла посылку. Бумага оказалась тёплой, как будто коробка недолго пролежала на солнце, хотя за окном уже давно стемнело.

На лицевой стороне были написаны её имя и адрес. Почерк был аккуратный, немного старомодный: буквы соединялись тонкими плавными линиями, а заглавная «В» наклонялась влево. Вера провела по ней взглядом и попыталась вспомнить, где видела такую руку.

Не вспомнила.

На посылке не было ни обратного адреса, ни штрихкода, ни названия службы доставки. Только: «Вере Соколовой» — и полный адрес, включая номер квартиры.

Вера занесла коробку в прихожую и поставила на пол. Дверь за спиной закрылась мягко, почти беззвучно. Она сняла перчатки, хотя ещё не успела понять, что всё это время сжимала их в руках.

До сна оставалось достаточно времени. Завтра был обычный день. В календаре на субботу стояло пустое место, и сообщение Маше всё ещё ждало ответа.

Вера посмотрела на коробку. Она не знала, чего хочет. Но впервые за долгое время допустила, что пустота внутри может быть не ответом. Возможно, это был вопрос, который она слишком долго не задавала.

И теперь он лежал у её двери, обёрнутый в коричневую бумагу.

Посылка без обратного адреса

Вера не легла спать.

Сначала она решила проверить, не оставил ли курьер накладную под коробкой. Потом — нет ли мелкого номера на шве, который не замечен с первого взгляда. Затем достала телефон и включила фонарик, хотя света в прихожей было достаточно.

На боку коробки не обнаружилось ничего нового. Только её имя, адрес и криво наклонённая влево буква «В». Ни номера отправления, ни логотипа службы доставки, ни даже кусочка скотча с надписью. Бумага была обыкновенной, коричневой, слегка потёртой на углах. Такую использовали, когда хотели упаковать вещь надёжно и без лишнего внимания.

Вера наклонилась и попробовала поднять коробку.

Она оказалась тяжелее, чем выглядела. Не настолько, чтобы её нельзя было перенести, но достаточно, чтобы пальцы невольно напряглись. Коробка была размером примерно с обувную, а весила, наверное, килограммов пять. Внутри что-то негромко сдвинулось.

Вера замерла.

Звук был не похож на бой посуды или перекатывающиеся гайки. Скорее на короткое, приглушённое шуршание. Она осторожно поставила коробку на пол и отступила на шаг.

— Воздух, — сказала она вслух. — Или наполнитель.

В прихожей никто не ответил. Это было разумно с её стороны.

Она сфотографировала обе стороны коробки и отправила снимки себе на почту, чтобы потом не искать их среди скриншотов. Сделала ещё несколько фотографий, приблизила изображение, проверила углы и сгибы. На бумаге не проступало ни одного скрытого знака, зато возле нижнего края, где упаковка прилегала к полу, пахло пылью и чем-то цитрусовым.

Апельсиновой коркой.

Вера подняла коробку и понесла на кухню. Там она осторожно повернула её на бок. Внутри снова что-то шевельнулось. Когда она поставила посылку на противоположный край, раздались два глухих удара, будто кто-то постучал изнутри костяшками пальцев.

Она тут же вернула коробку в прежнее положение.

— Упаковка, — повторила Вера уже тише.

Ночью слово «упаковка» звучало не так убедительно, как днём.

Она поискала в телефоне адрес доставки. Ввела в поисковую строку улицу, дом, квартиру, добавила слово «посылка». Ничего. Проверила почту, сообщения, приложения магазинов. Никаких уведомлений. В истории заказов за последний год не нашлось ничего, что могло бы стать объяснением. Последняя покупка Веры была новой насадкой для душа, и та прибыла в обычном пластиковом пакете с номером отправления, который она уже удалила.

Коробка стояла на кухонном столе и выглядела так, словно ждала, когда Вера устанет задавать ей вопросы.

Она не стала её открывать. Не потому, что боялась найти там что-то страшное. Скорее потому, что не хотела начинать с первого попавшегося действия только ради того, чтобы перестать тревожиться. Вера умела принимать решения быстро, когда решение было понятным. С незнакомыми вещами она обычно выбирала одно из двух: отложить или выбросить. На этот раз оба варианта показались ей преждевременными.

К утру она всё же уснула — ненадолго и с коробкой на кухне, за закрытой дверью.

Первым делом она позвонила в службу доставки, которая чаще всего обслуживала её район. Ответила женщина с усталым, но вежливым голосом.

— Назовите номер отправления, пожалуйста.

— В том-то и дело, что его нет.

— Без номера я не смогу проверить статус.

— А если отправление было на моё имя?

— Имя недостаточно. У нас нет общего списка всех получателей по адресу.

Вера посмотрела на стол. Коробка по-прежнему занимала слишком много места для предмета, о котором никто ничего не знал.

— Понятно, спасибо.

Женщина, кажется, хотела добавить что-то утешительное, но передумала. Разговор закончился так же буднично, как начинался. Вера почувствовала лёгкое облегчение: хотя бы один человек подтвердил, что система не знает о посылке. Это не объясняло её появление, но позволяло временно считать происходящее неудобной ошибкой.

Затем Вера написала в общий чат жильцов. Никто не ждал посылку, курьера в подъезде не запомнили. Сосед с пятого этажа предположил, что коробку могли перепутать, а затем уточнил, не собирается ли Вера «вскрывать подозрительный предмет». Она ответила, что пока нет, и поблагодарила его за заботу.

После этого она позвонила Маше.

— Ты случайно не отправляла мне коробку без обратного адреса? — спросила Вера.

— Если бы отправляла, я бы хотя бы подписалась, — отозвалась Маша. — И, скорее всего, написала бы: «Не ставь рядом с батареей».

— Она тяжёлая.

— Тогда точно не я. Я бы заказала доставку до двери. У меня спина ещё дорога.

Маша помолчала.

— Ты не расстроилась бы, если бы это был подарок?

Вера посмотрела на коробку и не сразу нашлась с ответом.

— Не знаю.

— Это честно, — сказала Маша. — Просто обычно люди отвечают что-нибудь вроде «конечно, обожаю сюрпризы», даже когда больше всего обожают знать, что лежит в пакете.

— А ты бы что ответила?

— Я бы спросила, кто подарил. А потом открыла бы.

Вера рассмеялась. Маша умела добираться до сути короткой дорогой, даже когда не знала, куда именно идёт.

— Напиши мне, если выяснишь что-нибудь, — попросила она. — И не таскай тяжёлое сама.

— Обещаю.

Вера положила телефон рядом с коробкой. На мгновение ей показалось, что от неё снова пахнет апельсиновой коркой. Она провела ладонью по боку, стараясь понять, не разошёлся ли шов. Бумага была сухой и гладкой, без следов жидкости, масла или чего-либо ещё. Коробка не нагрелась, не дрожала, не подавала других признаков жизни. Всё происходящее можно было объяснить обычными причинами, если подождать достаточно долго.

Вера пошла за ножницами.

Она собиралась разрезать бумагу, но остановилась, когда услышала тонкий звук. Не стук и не скрип. Короткий, едва различимый музыкальный оттенок, похожий на ноту, которую кто-то задел случайно и сразу отпустил.

Вера медленно обошла стол. В квартире было тихо. Стиральная машина не работала, за окном не слышалось радио, телефон лежал экраном вниз. Она открыла шкаф, чтобы проверить, не забыта ли там музыкальная открытка, и закрыла его. Ничего.

Тогда она взяла коробку обеими руками и осторожно повернула.

Звук изменился. Изнутри донеслось мягкое поскрипывание, а за ним — ещё одна нота, ниже первой.

Вера перестала поворачивать коробку.

Нужно было найти источник звука. Возможно, внутри лежала музыкальная игрушка. Или старая шкатулка с заводным механизмом. Она не знала, каким образом шкатулка могла включаться от перемены положения и почему оказалась у неё дома без адреса отправителя, но подобные подробности не отменяли самой вероятной версии. Вещи иногда попадали не туда. Механизмы ломались. Курьеры ошибались. Люди забывали подписывать посылки.

Она наклонилась и прижала ухо к коробке.

Сначала ничего не происходило. Потом изнутри выплыли несколько нот — тихих, неровных, будто мелодия вспоминала себя на ходу. Вера узнала её. Или почти узнала. Первая часть казалась знакомой, как поворот в старом районе, которого давно не было на карте. Она ждала продолжения, но музыка оборвалась раньше, чем Вера успела понять, откуда её знает.

В груди осталось странное чувство узнавания без самого воспоминания.

Так бывало с запахами: вдруг среди улицы почудится запах школьного коридора или бабушкиного шкафа, и на секунду ты уже не взрослая женщина с телефоном и делами, а ребёнок, который ещё не знает, сколько всего забудет. Только здесь не было запаха из прошлого. Только несколько звуков, прятавшихся в тяжёлой коробке.

Вера отстранилась.

Ей не хотелось превращать случайный звук в послание. Мелодия могла быть всего лишь мелодией. Коробка могла быть чужой ошибкой. Незнакомая вещь не становилась важной только потому, что в ней нашёлся повод задуматься.

Она взяла коробку и понесла в прихожую.

Внизу стоял контейнер для бумаги. Вера открыла дверь подъезда, донесла посылку до площадки у мусорной камеры и поставила рядом с контейнером. Если отправление ошибочное, кому-нибудь понадобится содержимое. Если нет — коробка всё равно не обязана занимать её кухню. Это было здоровое решение. Практичное. Удобное.

Вера уже подняла крышку контейнера, когда из коричневой бумаги потянуло апельсиновой коркой — резко и отчётливо, будто рядом разломили свежую кожуру.

Она опустила крышку.

Стояла тишина. В подъезде пахло пылью, старой краской и чьим-то кофе. От коробки не исходил никакой опасный запах. Она была целой, чистой и по-прежнему слишком тяжёлой. Вера заметила, что держится за край контейнера и смотрит не на коробку, а на собственное отражение в тёмном стекле двери.

Ей стало неловко. Не перед посылкой, конечно. Перед собой. Она собиралась выбросить её не потому, что проверила и решила, что это мусор, а потому, что устала не знать.

Вера выдохнула, наклонилась и подняла коробку.

— Хорошо, — сказала она. — Но это не значит, что я тебе верю.

Слова прозвучали разумно. По крайней мере, достаточно разумно, чтобы не смущать соседей, если кто-нибудь услышал.

Дома Вера застелила стол старой газетой, принесла ножницы и сначала ещё раз осмотрела упаковку. Возле нижнего сгиба коричневая бумага была чуть оттопырена. Не разорвана, не порвана — просто загнулась так, что под ней виднелся край тонкой тёмной линии.

Вера подцепила угол ногтем.

На картоне, под бумагой, проступил маленький знак. Дверь без стен, над ней крыша, а перед порогом — три ступеньки, ведущие в никуда. Внутри двери темнела круглая ручка, похожая на крошечную звезду.

Вера нахмурилась.

Она видела этот рисунок раньше. В детстве бабушка читала ей книгу с выцветшими страницами, в которой то ли девочка, то ли маленький лисёнок искали дорогу домой. Вера помнила рисунки лучше сюжета. На некоторых страницах в углу стояла такая же дверца — открытая,

хотя за ней ничего не было. Бабушка говорила, что это знак тех мест, которые не появляются на карте, пока не понадобятся.

Тогда Вера считала, что взрослые говорят странные вещи, когда хотят, чтобы ребёнок наконец лёг спать.

Она провела пальцем по знаку. Тёмная линия была нанесена тушью и не смазалась.

Коричневую бумагу можно было снять, не трогая саму коробку. Вера аккуратно надрезала скотч по шву и развернула внешний слой. Под ним оказалась ещё одна упаковка — плотная, серо-зелёная, стянутая тонким шнуром. Узел был затянут крепко, но не так, чтобы его нельзя было развязать. Ни отверстия, ни щели, ни возможности заглянуть внутрь не обнаружилось.

Когда внешний слой расправился, из складки выпала небольшая карточка.

Вера подняла её с пола. Карточка была плотная, цвета сливочного масла, без логотипа и без поздравительной надписи. На одной стороне значилось:

Бюро невозвращённых подарков переулок Семи Ступеней, дом 4

Больше ничего. Ни города, ни индекса, ни фамилии отправителя.

Вера долго смотрела на слова. «Бюро невозвращённых подарков» звучало как название несуществующей организации, придуманной человеком, который слишком часто забывал чеки. Переулок Семи Ступеней мог быть художественным названием кафе или книжного магазина. Возможно, карточку положили внутрь посылки по ошибке. Вполне возможно, что вся эта история была чьей-то неудачной шуткой.

Она открыла карту на телефоне.

Сначала ввела адрес целиком. Карта показала ближайший переулок с похожим названием в другом городе. Потом искала переулок без номера. Потом проверила городские справочники и официальный список улиц. Переулка Семи Ступеней не нашлось ни в её районе, ни в городе, ни в области.

Вера ввела название бюро в поисковик. Результатов не было. Попробовала без слова «подарков», потом с кавычками, затем добавила «магазин». Появилась статья о том, как вернуть не подошедший подарок в магазин, и несколько объявлений о продаже старых книг.

Телефон предлагал исправить запрос. Он был уверен, что Вера имела в виду «переулок Семи Сестёр». Вера отказалась.

На карточке не было обратного адреса, но теперь у неё появился адрес, которого нигде не существовало. Это был шаг вперёд, если считать шагом движение в направлении, не указанном ни на одной карте.

Она могла снова позвонить Маше. Могла отправить ей фотографию карточки. Могла отнести посылку в отделение доставки и попросить разобраться. Все эти варианты оставались возможными. Но ответа они не обещали. Служба доставки уже объяснила, что без номера проверить нечего. Маша не знала о коробке. Карта предлагала соседний переулок, который был не тем.

Вера взяла коробку и осторожно наклонила её на бок. Внутренний свёрток сдвинулся совсем немного. Из глубины прозвучали три ноты. Теперь они сложились в начало мелодии, знакомой и всё равно неузнаваемой.

Она не стала прижимать ухо второй раз.

Коробка не требовала, чтобы её открыли. Не обещала, что внутри находится ответ. Не говорила, чего Вера должна хотеть. Она вообще ничего не говорила. Только весила больше, чем следовало, пахла пылью и апельсиновой коркой и почему-то помнила адрес, которого не было на карте.

Вера положила карточку на стол.

— Я не обязана верить в волшебство, чтобы проверить адрес, — произнесла она.

Эта мысль показалась ей полезной. Не потому, что объясняла происходящее, а потому, что не требовала объяснения. Она могла сделать один небольшой шаг, не превращая его в клятву и не обещая себе найти чудо. Просто пойти и посмотреть. Если адрес окажется шуткой, она вернётся домой с коробкой и новым поводом не верить в странные посылки. Если улицы не будет, это тоже станет ответом, пусть и не очень удобным.

Вера отправила Маше фотографию карточки и написала, куда собирается. Затем включила на телефоне передачу геолокации. Она не собиралась ехать в незнакомое место без предупреждения, даже если это место, судя по карте, отсутствовало. Осторожность не мешала любопытству. Иногда именно она позволяла любопытству выйти из дома.

На карте она нашла старую часть города, ближайшую к предполагаемому району. Там улицы сужались, поворачивали без видимой причины и сохранили названия, которые не всегда совпадали в разных справочниках. До ближайшей остановки было двадцать минут на автобусе. Дальше придётся ориентироваться самой.

Вера взяла плотную сумку, но коробка не поместилась. Тогда она обернула её серо-зелёным свёртком в коричневую бумагу, аккуратно закрепила шнур и подняла обеими руками. Карточку убрала в карман пальто.

У двери она оглянулась на квартиру. На столе остались ножницы, телефон и развернутая газета. Ничего в комнате не изменилось. Только пустое место на кухне казалось теперь не пустым, а занятым ожиданием.

В лифте Вера не слышала мелодии. На первом этаже она остановилась, чтобы придержать дверь перед соседкой, и коробка тихо отозвалась у неё на руках одним низким звуком.

Соседка улыбнулась:

— Тяжёлое?

— Для своего размера, — ответила Вера.

На улице воздух был прохладный. Вера сверилась с картой, потом с карточкой. Карта предлагала ехать к знакомой площади. Карточка отправляла в переулок, которого не существовало.

Вера нажала кнопку вызова автобуса и направилась к остановке. Она пока не знала, куда приведёт её этот адрес. Но теперь впервые за долгое время не стала требовать от следующего шага доказать, что весь путь заранее имеет смысл.

Магазин, открытый только для потерявших

Автобус высадил Веру у старого рынка, где тротуар сужался между закрытыми лавками, а ветер гонял по мостовой бумажные чеки. Она прижала коробку к боку и достала карточку.

Адрес был написан от руки. Вера сверила его с экраном телефона, увеличила карту, ввела название улицы в поисковую строку. Карта задумалась, выдала три похожих места и ни одного нужного.

Она пошла туда, куда указывала карточка.

Сначала нашлась Садовая. Потом Литейная. Между ними, согласно адресу, должен был быть переулок. Вера прошла от одного перекрёстка до другого, заглянула в арку, обошла строительный забор и вернулась к рынку. Между улицами действительно был проход, но он заканчивался глухой стеной с выцветшей надписью «Не парковаться».

Вера остановилась перед ней.

— Четвёртый дом, — сказала она вслух, словно стена могла возразить.

Стена не возразила.

Она снова проверила карточку. Почерк не изменился, адрес оставался тем же. Вера открыла карту в другом приложении. Потом спросила у продавца с яблоками, не слышал ли он о таком переулке.

— Здесь переулков хватает, — ответил продавец, складывая фрукты в ящик. — А такого нет.

— Совсем?

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Если его нет на карте, значит, кому-то повезло.

Вера не поняла, шутит он или просто устал. Она поблагодарила и отошла.

Коробка всё время казалась тяжелее, чем должна была быть. На автобусе она лежала у Веры на коленях; теперь давила на ладони. Когда из-за угла вырвался порыв ветра, крышка чуть дрогнула. Вера прижала её пальцами. Изнутри донёсся низкий звук — тот самый, что прозвучал в лифте.

Она замерла.

Звук мог быть вызван чем угодно: предметом, сдвинувшимся внутри, неплотным дном, усталостью. Вера умела находить разумные объяснения. В последнее время она только старалась не путать их с окончательными ответами.

Она убрала коробку под локоть и посмотрела на часы. До остановки было несколько минут. Можно было вернуться домой, поставить её на стол и решить, что адрес оказался ошибкой. Это было бы неприятно, но объяснимо. И безопасно.

Вера развернулась к остановке.

По пути она заметила витрину старой галантереи. Магазин был закрыт: за стеклом висели выцветшие образцы тканей, пустые катушки и картонная табличка с часами работы, на которой давно никто ничего не переписывал. Вера прошла мимо, но в стекле на мгновение задержалось её отражение.

А за её спиной, отражаясь в витрине, горел вход в магазин.

Вера остановилась.

В отражении виднелась узкая дверь с тёплым жёлтым светом над ней. На тёмной вывеске поблёскивали золотые буквы. За дверью уходил в глубину коридор, заставленный коробками.

Вера медленно обернулась.

За спиной были всё те же Садовая и Литейная, мокрая мостовая и глухие фасады. Никакой двери.

Она повернулась к витрине. Магазин отражался ясно, до мелочей: латунная ручка, узкий коврик, светлая полоска на пороге.

— Этого не может быть, — сказала Вера.

Проходящая с зонтом обошла её, не взглянув на стекло. В отражении за спиной Веры никого не было.

Она снова посмотрела на карту. Синяя точка мигнула, обозначив её посреди перекрёстка. Вера могла позвонить кому-нибудь, попросить проверить адрес, отправить фотографию. Могла продолжать искать — ещё десять минут, ещё один поворот, ещё одну версию.

Но она уже знала: ни одна карта не объяснит, зачем ей нужно попасть в место, которого на карте нет.

Вера опустила телефон.

— Я хочу понять, зачем пришла, — произнесла она. — Даже если адрес ошибочный. Даже если всё это бессмыслица.

В ту же секунду отражение изменилось.

Там, где только что стояла глухая стена, между двумя домами проступила узкая дверь. Не появилась из воздуха — скорее, Вера вдруг заметила её, будто всё это время глаза упрямо обходили нужное место. Дверь была тёмной, с потёртым медным молотком. Над ней висела маленькая лампа.

Вера проверила, не смотрит ли кто-нибудь. Люди шли по своим делам. Никто не замедлял шаг.

Она убрала телефон в карман и прошла к двери. На пороге остановилась. С улицы не доносилось ни музыки, ни голосов. Только ветер шуршал бумагой у стены.

Ручка оказалась тёплой.

Внутри пахло древесиной, чаем и пылью, которую много лет никто не тревожил. Вера вошла и услышала за спиной тихий звон, хотя колокольчика над дверью не увидела.

Магазин был тесным, но уходил далеко вглубь. Узкие проходы изгибались между полками. На них стояли коробки всех размеров: одни — аккуратные и новые, другие — смятые, перетянутые бечёвкой, с пятнами от воды на крышках. У каждой висела бирка. Пыльные ленты свисали с верхних полок, словно заснувшие змеи. В дальнем углу висели часы без стрелок. Они тикали.

Вера сделала шаг и невольно оглянулась на дверь. С той стороны через щель по-прежнему виднелась улица. Значит, выход не исчез. Это было небольшое облегчение, но Вера решила им воспользоваться.

— Добрый день, — раздалось из-за прилавка.

Женщина, стоявшая там, была примерно ровесницей Веры, может, чуть старше. Тёмные волосы собраны в небрежный узел, на плечах — шерстяной кардиган, на носу — очки в тонкой оправе. Она держала чашку обеими руками, будто согревалась.

— Добрый, — ответила Вера. — Это магазин?

— Иногда.

— А иногда?

— Бюро.

Женщина поставила чашку на прилавок. На стене за ней висела небольшая латунная табличка: «Бюро невозвращённых подарков».

Вера перечитала надпись.

— Подарков?

— Бывает, что подарок так и не попадает к тому, кому предназначен. Бывает, человек не может его принять. Бывает, даритель передумывает. У нас для таких случаев есть место.

— А вы возвращаете вещи?

— Не совсем.

Женщина говорила просто, без тайной улыбки и без того выражения, какое Вера ожидала бы от человека, который знает, что за дверью его посетителям чудятся переулки.

— Меня зовут Ада, — добавила она. — А вас?

— Вера.

Ада посмотрела на коробку в её руках.

— Она долго была в пути.

Вера крепче прижала коробку к себе.

— Вы знаете, что внутри?

— Нет. И мне не нужно знать, пока коробка не попросит.

— Коробки ничего не просят.

— Большинство действительно молчит.

Ада не стала развивать мысль. Она взяла чашку и сделала глоток. Вера почувствовала, что от этого спокойствия ей становится неуютно. Не потому, что Ада казалась опасной. Скорее потому, что не пыталась убедить её в происходящем.

— Как вы сюда попали? — спросила Вера.

— Через дверь.

— Я имею в виду, откуда знаете про этот магазин?

Ада посмотрела на коридор между полками.

— Здесь не ищут то, что потеряли физически.

— А что же ищут?

— Не всегда ищут. Иногда просто заходят, потому что однажды перестали задавать себе вопрос.

Вера нахмурилась.

— Какой вопрос?

— «Чего я хочу?»

Эти слова легли между ними тихо, без нажима. Вера подумала о недавних неделях, о списках дел, где каждый пункт был полезным и ни один не был её. О привычке отвечать «мне всё равно» прежде, чем кто-то успевал переспросить. О том, как легко оказалось не выбирать, если долго называть это разумностью.

— Значит, вы открываетесь тем, кто не знает, чего хочет?

— Не совсем. Здесь бывают люди, которые знают очень точно. Просто им нужно понять, что можно передумать. А бывают те, кто так долго не спрашивал себя, что решил: ответа нет.

— Это звучит как удобная история для магазина, который появляется в отражении.

— Возможно, — сказала Ада. — Но если вам так проще, можете пока считать его удобной историей.

Вера огляделась. На ближайшей полке стояли коробки с маленькими бирками. На одной было написано: «Попросить о помощи». На другой: «Уроки фортепиано, отложенные до лучших времён». Дальше — «Сказать, что мне не подходит» и «Съездить к морю одной».

— Это желания? — спросила Вера.

— Иногда. Иногда только их начало.

— И вы храните их в коробках?

— Мы храним то, что человек пока не решил, принимать ли. Разговор. Возможность. Иногда — вещь. Но вернуть прежнюю жизнь не получится. Да и не всегда нужно.

Ада вынула из-под прилавка небольшую коробочку, развернула её и тут же поставила обратно. Вера заметила, что внутри лежит простой деревянный карандаш.

— Тогда что именно вы возвращаете?

Ада не торопилась с ответом. За её спиной без стрелок тикали часы.

— Возможность снова выбрать, — сказала она наконец. — Не обязать себя хотеть. Не исполнить желание за человека. Просто дать ему возможность посмотреть и решить: «Это моё» или «уже нет».

— Звучит подозрительно похоже на продажу.

Ада улыбнулась.

— Мы ничего не продаём. Но я понимаю, почему вы так решили.

Вера прошла к полке. На бирке маленькой коробки было написано: «Начать, даже если не получится». На соседней: «Не извиняться за отдых». Она провела пальцем по краю коробки, но не коснулась крышки.

— А если человек выберет что-то, а потом пожалеет?

— Тогда он выберет снова.

— Так можно бесконечно.

— Можно. Но люди и без нас умеют бесконечно откладывать выбор.

Вера подняла на Аду глаза. В ответ та лишь поправила очки.

— Магазин действительно появляется только для потерявших?

— Не для всех. И не только для тех, кто что-то потерял. Иногда сюда приводит простое любопытство. Но дверь открывается, когда человек перестаёт искать её только там, где она обязана быть.

Вера вспомнила карту на экране, синюю точку посреди знакомого перекрёстка. Ада не могла знать, что именно она сказала у витрины. Наверное. Вера всё ещё держалась за это «наверное», но уже не считала его основанием немедленно уйти.

— Вы видели, как я вошла?

— Нет. Я услышала колокольчик.

Вера бросила взгляд на дверь.

— Там нет колокольчика.

— Вот и мне так говорили.

На этот раз Вера почти улыбнулась.

Ада поставила чашку на блюдо. Её внимание снова вернулось к коробке в руках Веры.

— Вы пришли не за покупкой, — сказала она.

— Я пока вообще не понимаю, за чем пришла.

— Это хорошее начало.

— Для чего?

— Для работы.

Вера моргнула.

— Вы предлагаете мне работу?

— Временную. Одно дело. Нам нужно найти человека, которому предназначена коробка.

Ада кивнула на ближайший стол. На нём лежал свёрток размером с книгу, перевязанный выцветшей синей лентой. Бирка была почти чистой. На ней сохранился только короткий след чернил, похожий на первую букву имени.

— Вы не знаете, кому он предназначен?

— Не уверена.

— А сами найти не можете?

— Я могу искать. Но не всегда замечаю то, что заметит другой.

— Почему я?

— Вы пришли по адресу, которого не было на карте. Не потому, что поверили ему без- условно, а потому, что решили проверить. Потом остановились, когда проверка перестала помогать. Это полезное умение.

Вера невольно посмотрела на выход. Дверь оставалась там, где была. Коробка у неё в руках тихо лежала, не подсказывая ни «да», ни «нет».

— Вы предлагаете мне искать незнакомого человека, чтобы отнести ему неизвестную вещь?

— Да.

— Это может занять сколько угодно времени.

— Не обязано. Мы договоримся об одном адресате, а потом вы решите, хотите ли продолжать.

— И что я получу?

— Чай. Иногда печенье. Иногда полезную информацию. Деньги мы тоже обсуждаем, если дело до них дойдёт.

— А если я скажу, что не верю в ваш магазин?

— Тогда вы будете здесь и не будете верить в магазин. Это допустимо.

Ответ оказался настолько спокойным, что Вера не нашла, к чему придраться. Ада не просила её клясться, доверять или менять жизнь. Она предложила один шаг, у которого были границы.

Вера опустила свою коробку на прилавок. Внутри раздался низкий звук.

Ада ничего не сказала.

Вера посмотрела на свёрток с выцветшей лентой. Потом на карточку с адресом, которую всё ещё сжимала в ладони. Она могла уйти. Могла вернуться завтра. Могла согласиться только на то, что не требовало обещать себе целую новую жизнь.

— Хорошо, — сказала она. — Одного адресата. И без обещания, что я поверю всему, что здесь происходит.

— Мне и не нужно обещание, — ответила Ада. — Достаточно, что вы попробуете.

Она сняла со стены чистую бирку, положила её перед Верой и подвинула карандаш.

— Тогда начнём с того, что вы должны знать, прежде чем возьмёте в руки первое невозвращённое письмо.

— Какие-то правила?

— Несколько. Без них здесь легко принять чужое желание за своё.

Вера взяла карандаш. Часы без стрелок продолжали тикать, будто отсчитывали не время, а паузу перед следующим выбором.

Правила невозвращённых подарков

Вера взяла карандаш и повертела его между пальцами. Грифель оставил на подушечке серый след.

— Какие-то правила? — повторила она.

— Несколько, — сказала Ада. — Но сначала я хочу узнать, как вы поступили бы без них.

Она обошла прилавок и подошла к высокой полке. Там стояли коробки: большие и маленькие, обтянутые бумагой, перевязанные лентами, украшенные выцветшими бирками. Некоторые выглядели так, будто ждали совсем недолго. Другие успели собрать на крышках тонкий слой пыли, хотя вокруг них пыль почему-то не оседала.

Ада сняла с нижней полки небольшую коробку в коричневой бумаге. На ней не было ни имени, ни адреса. Только аккуратная синяя лента, туго затянутая крест-накрест.

— Вот, — сказала она. — Что бы вы с ней сделали?

Вера повела плечом.

— Если бы знала, кому она предназначена, отнесла бы.

— А если бы человек не открыл дверь?

— Оставила бы на пороге.

— А если бы открыл и сказал, что не хочет?

Вера посмотрела на коробку. Та была лёгкой, но изнутри доносилось едва уловимое шуршание, словно в ней переворачивалась сухая страница.

— Спросила бы почему.

Ада медленно подняла брови.

— Зачем?

— Чтобы понять, действительно ли он не хочет. Может, он просто испугался. Или не понял, что это для него.

— А если понял?

Вера помолчала. Ей не нравилось, как легко Ада подбирала вопросы, от которых нельзя было отмахнуться готовым ответом.

— Тогда... оставила бы коробку, — сказала она. — Не стала бы спорить.

— Хорошо. А если он попросит забрать её?

— Забрала бы.

Ада кивнула, будто Вера только что прошла небольшое испытание.

— Это уже правило.

Она поставила коробку на прилавок, не развязывая ленту.

— Она давно здесь? — спросила Вера.

— Достаточно.

— Вы знаете, что внутри?

— Знаю.

Вера подалась вперёд. Шорох повторился.

— И всё равно не открывали?

— Не без разрешения.

— Но вы же понимаете, что это такое.

— Я понимаю, что коробка не моя. Этого достаточно.

Вера коснулась синей ленты и сразу убрала руку. Ей стало неловко, словно она застала Аду за чем-то личным.

— А если внутри то, что человеку нужно?

— Тогда ему можно это предложить.

— Но не открыть?

— Не открыть.

Ада произнесла это без строгости, но окончательно. Вера снова посмотрела на коробку. В ней могла лежать старая фотография, билет, письмо или какая-нибудь пустяковая безделушка. А могла — вещь, которая изменила бы чью-то жизнь. От незнания хотелось приподнять крышку хотя бы на волосок.

— Даже если это поможет? — спросила она.

— Особенно тогда. Чем сильнее нам кажется, что мы знаем, что поможет другому, тем важнее сначала спросить его.

Слова легли между ними, как ещё одна коробочка, которую предстояло нести.

— Значит, нельзя просто доставить подарок, — сказала Вера. — Сначала спросить, хочет ли человек его принять.

— Да.

— Тогда какой в этом смысл? Если он и так ничего не хочет?

— Вы предлагаете ему возможность. Не требуете, чтобы он захотел.

Ада взяла коробку и вернула на полку. Синяя лента мягко задела соседнюю упаковку. Та не шелохнулась.

— У этого подарка есть адресат? — спросила Вера.

— Был.

— И он отказался?

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

— Вы не спросили?

— Спросила, хочет ли он рассказать. Он не захотел.

Вера недоверчиво прищурилась.

— И вы просто приняли это?

— Именно.

— Но если человек отказался из-за страха, он может пожалеть.

— Может. А может, не пожалеть. Его выбор не становится нашим только потому, что нам тревожно за последствия.

Ада провела пальцем по краю прилавка. Там была тонкая царапина, похожая на дорожку, оставленную маленьким когтем.

— Эта коробочка не наказана за то, что её не приняли, — добавила она. — И человек не провалил никакую проверку. Подарок просто остался невручённым. Иногда «нет» — это всё, что нам нужно знать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.